

Институт истории Академии наук Республики Татарстан
Национальный центр археологических исследований
Министерство культуры Республики Татарстан
Главное управление государственного контроля охраны
и использования памятников истории и культуры
Администрация Алексеевского района Республики Татарстан
Казанский государственный университет
Биярский историко-археологический и природный музей-заповедник

БИЛЯР И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Тезисы научной конференции
Биярск, сентябрь 1997 г.

Казань – 1997

БКК 904(470.41) 0901/1236

Б86

Редакционная коллегия: **Ф.Ш.Хузин** (ответственный редактор), **А.И.Демидов**, **Р.М.Валеев**, **П.Н.Старостин**, **Р.Р.Хайрутдинов** (ответственный за выпуск).

Б86 БИЛЯР И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. Тезисы научной конференции. – Билярск, сентябрь 1997. 96 с.

Настоящий сборник содержит тезисы докладов научной конференции, посвященной 30-летию Билярской археологической экспедиции, организованной в 1967 году Институтом языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова совместно с Казанским государственным университетом под руководством доктора исторических наук профессора А.Х.Халикова, и 5-летию организации Билярского историко-археологического и природного музея-заповедника.

ISBN 5-900866-10-6

© Институт Истории Академии Наук Республики Татарстан, 1997

© Главное управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры, 1997

© Отдел Свода памятников истории и культуры РТ Института истории АН РТ, 1997

Издательство “ФЕСТ”

Лицензия №127 выдана 20.09.94

Министерством информации и печати РТ

Подписано в печать 20.08.97. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 6.

Тираж 260. Заказ К-139

гари вместе с торговыми караванами и в составе откочевавших на лето в Прикамье, Поволжье и Приуралье групп скотоводов появились и ремесленники.

Таким образом, совершенные формы кувшинов булгар-мусульман и самобытные “языческие”, более архаичные по технике и формам сосуда относятся к начальному этапу гончарства в Биляре. Их следует датировать 30–50-ми годами X в. Е.А.Халикова, А.Х.Халиков и Р.Ф.Шарифуллин справедливо видели в традициях погребального обряда, архитектуры и устройства кирпичного здания традиции Хорезма, которые проявляются и во многих формах посуды Биляра.

Склад посуды из ямы 5, расположенный непосредственно на кладбище, синхронен самым ранним захоронениям Билярского 2 могильника. Этот комплекс, вероятно, содержал посуду ритуального назначения — для омовения и поминовения умерших из булгар-мусульман, женщин из хорезмиек (согласно Ибн-Фадлану), а также языческого населения. Отсюда сочетание форм для мусульман и немусульман.

Вероятно, кирпичное здание с подпольной системой отопления, датированное А.Х.Халиковым и Р.Ф.Шарифуллиным второй половиной X–XII вв., также имело культово-ритуальное назначение. Наличие помещения для омовения в юго-западной части здания в виде цементированных полов, лежанки и стока, остатков настенной росписи по штукатурке свидетельствуют в пользу данного предположения. Здание существует в непосредственной близости с могильником вплоть до трагических событий 1183 г., после которых на этом месте возводится укрепление-форт. Не исключено, что и в первой половине X в. на могильнике могло существовать деревянное здание культово-ритуального характера, одновременное складу ранней посуды.

Л.Д.Макаров (Ижевск)

ВЫХОДЦЫ ИЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

На находки русских предметов среди древностей волжских болгар указывали еще во второй половине XIX в. С.М.Шпилевский, И.И.Срезневский, Н.А.Толмачев, А.Ф.Лихачев и др. Аналогичные находки отмечались учеными и в первые советские десятилетия (В.Ф.Смолин, Л.Кавка, Н.Ф.Калинин, Б.Д.Греков, А.П.Смирнов). Однако специальных работ, освещающих эту тему, долгое время не

было. Лишь с конца 1940-х гг. ряд статей о русском компоненте в культуре Волжской Булгарии опубликовал А.П.Смирнов, обобщающий сведения в основном из случайных находок и сборов (1948, 1851, 1952). Позднее ученый использовал и материалы археологических раскопок (1968). Специфика русско-болгарских обширных взаимоотношений на предметах материальной культуры нашла отражение в работах Б.А.Рыбакова (1948, 1969), А.Л.Монгайта (1961), Л.А.Голубевой (1969, 1973), В.В.Кропоткина (1970), М.Г.Рабиновича (1949, 1971), О.Н.Бадера (1950, 1958), В.А.Оборина (1956, 1958, 1986, 1990 и др.), Р.А.Розенфельдта (1968), И.В.Дубова (1989), А.М.Белавина (1986) и других.

Широкие раскопки, развернувшиеся в 1950–1980-е гг. под руководством А.П.Смирнова, А.Х.Халикова, Т.А.Хлебниковой, Р.Г.Фахрутдинова, их коллег и учеников, привели к открытию солидного количества древнерусских ископаемых древностей. Накопление данных материалов позволило в конечном итоге произвести их комплексный обзор в специальной монографии (М.Д.Полубояринова, 1993).

Пожалуй, наиболее многочисленные следы пребывания русских людей на территории Волжской Булгарии обнаружены близ устья р. Камы в г. Болгаре (Т.А.Хлебникова, 1987; М.Д.Полубояринова, 1990). Еще в 1948 г. А.П.Смирнов отметил славянское жилище с находками XI–XIV вв. в ремесленном квартале города (1948, 1951). В 1953 г. в заречной части города исследованы остатки древнерусского поселения середины XIII – первой половины XIV в. – жилища ремесленников – ювелиров, металлургов, гончаров (Т.А.Хлебникова, 1956, 1987). Остатки жилищ выявлены и на площади городища. Всего же в городе обнаружено одно наземное домонгольское жилище и 13 золотоордынского времени – 4 наземных, 5 полуземлянок и 4 землянки, при этом площадь углубленных построек составляла 16–24 кв. м, глубина котлованов 0,65–1,7 м (М.Д.Полубояринова, 1993, с. 58–66). Древнерусская керамика найдена и вне жилищ практически по всей площади города. О проживании здесь выходцев из Древней Руси свидетельствуют и находки некоторых видов украшений, бытовых вещей, православных крестиков, иконок и церковной утвари (М.Д.Полубояринова, 1993, с. 13–34, 67–68), а также костей свиньи, особенно многочисленных в юго-западной части города (А.Г.Петренко, 1988, с. 254–255, 268–269). В г. Джукетау древнерусская посуда обнаружена и в домонгольских, и в золотоордынских слоях (данные Т.А.Хлебниковой по М.Д.Полубояриновой, 1993, с. 82–83).

Славянская керамика (группа XIV по Т.А.Хлебниковой, 1984, с. 170) проникает на территорию Волжской Болгарии уже в XI в. преимущественно из Подонья, обнаруживаясь и в устье Камы (Болгар, Семеновское I селище). В XII – первой половине XIII в. преобладает приток древнерусской керамики из Владимиро-Суздальского княжества (Болгар, Джукетау, Рождественское селище), но она при этом составляет в целом сравнительно небольшой процент керамических коллекций: в Болгаре 1,2–5,4%, Джукетау – до 0,1% (Т.А.Хлебникова, 1984, с. 198–200, 231–232). В самом конце домонгольского периода появляется славянская по внешнему виду, но с неславянскими примесями (толченая раковина, шамот, навоз и др.) керамика, названная Т.А.Хлебниковой “славяноидной” (1967, с. 164–167) и отнесенная ею к XVI группе (1984, с. 200–201). Н.А.Кокорина считает ее поволжско-финской (1991, с. 13, 16), К.А.Руденко – верхнекамской (1992, с. 46), М.Д.Полубояринова – древнерусской группы В (1993, с. 35). Думается, последнее определение более удачно, учитывая, что эта керамика всегда обнаруживается вместе со славянской (Т.А.Хлебникова, 1984, с. 201; Л.Д.Макаров, 1984, с. 113). В то же время представляется бесспорным производство посуды XVI группы на смешанных славяно-финских памятниках, о чем автор писал неоднократно (Л.Д.Макаров, 1984, с. 112–113; 1985, с. 50; 1989, с. 68–69 и др.), но на стадии обрусения финского компонента. Интересно, что данная группа керамики единично обнаружена в Болгаре, но увеличивается вверх по Каме, например, ее больше на Рождественском селище, а в Джукетау она составляет 0,3% в цитадели и 1,2% в пригороде (Т.А.Хлебникова, 1984, с. 200, 232; М.Д.Полубояринова, 1993, с. 83). В золотоордынский период отмечено весьма заметное увеличение древнерусской посуды и по XIV (менее 17% в Болгаре и других поселениях), и по XVI группам (пригород Джукетау – до 3%). Кроме того, Н.А.Кокориной (1991, с. 14, 16) удалось выделить XX группу керамики, в которой отразилось смешение традиций тюркской, славянской и славяно-финской группы (XIII, XIV, XVI) в конце золотоордынской эпохи (Болгар, Предкамье).

Процессы взаимоассимиляции этносов отчетливо прослеживаются и на материалах более чем двух десятков сельских поселений Западного Закамья, на которых помимо разноэтнической керамики обнаружено немало вещей древнерусского происхождения и связанных с ними предметов поволжско-финского и балто-скандинавского круга. Основной вклад в публикацию этих материалов внесли Е.П.Казаков (работы 1984–1993 гг.) и его коллеги (Е.А.Беговатов, Е.П.Каза-

ков, 1983, 1990; П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, 1992; Е.П.Казаков, К.А.Руденко, Е.А.Беговатов, 1993), а в последнее время К.А.Руденко, которым изучено более 10 болгарских селищ XII–XIV вв. в низовьях Камы на площади свыше 2 тыс. кв. м (1992–1994).

Древнерусские материалы выявлены и на периферии Волжской Болгарии. В Западном Предкамье выявлена керамика XIV группы на Рождественском селище (Н.А.Кокорина, 1991, с. 9) и на городище Грохань (колл. Сарапульского музея), а украшения, крестики и иконки, кроме того, на Рождественском VI, Мансуровском, Тетеево VIII, Богородицком селищах, Троицеуральском I и Чаллыном городищах (М.Д.Полубояринова, 1983, с. 83–84). В Восточном Предкамье славяно-финно-тюркские материалы также известны: два погребения XI–XIII вв. с мерянскими украшениями из Котловского могильника и аналогичные находки из сборов на Ананьинском могильнике, Староселищенская находка конька-подвески (Ф.Д.Нефедов, 1999, с. 43–46, табл. 12; с. 51, 67–68), Танайские II находки (А.А.Спицын, 1993, с. 33), Елабужский клад серебра (ОАК за 1911 г., с. 86), керамика XVI группы на Елабужском городище (раскопки А.Х.Халикова) 1993 г. В Восточном Закамье также найдены отдельные древнерусские вещи: на Меллятамакском I селище керамика XVI группы и отдельные предметы (Е.П.Казаков, 1978, с. 36, рис. 13–2, 4, 10, 11); на Бикбуловском селище – перстень со свастикой (там же, с. 37, рис. 12–1); известен Утяшкинский клад серебряных монетных гривен (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, № 41).

Накопленный материал в сочетании с письменными источниками стал основой публикации о развитии всесторонних связей между Волжской Болгарией и Русью (Р.М.Валеев, 1986, 1992; С.И.Валиуллина, 1983, 1991; она же и К.А.Руденко, 1991; она же и Ф.Ш.Хузин, 1986; И.Л.Измайлов, 1986, 1992; А.Ф.Кочкина, 1986; И.В.Якимов, 1988, 1992, 1994).

Таким образом, наибольшее число древнерусских находок выявлено в западной части Нижнего Предкамья. Имеются основания связать памятники этой части Волжской Болгарии с “серебряными болгарам” русских летописей – одним из болгарских племенных объединений. Однако, какие-либо “нукратские болгары” (“нукрат” в переводе с арабского “серебро”) неизвестны восточным источникам (Р.Г.Фахрутдинов, 1984, с. 15). Но р. Вятка в переводе с татарского “нократ суы”, “Нократ иделе”, что иногда переводится как “Серебряная вода” или “Серебряная река” (Д.М.Захаров, 1990, с. 5). Река Нукрат известна и в татарском эпосе (Идегей, 1990, с. 124, 125, 129, 136). Названием “Нукрат” именуют себя лишь чепецкие каринские татары

(Али-Рахим, 1930, вып. 4; Р.Н.Степанов, 1973, с. 17; Р.Г.Фахрутдинов, 1990, с. 133). Данное обстоятельство вызвало предположения о соотношении “всей Вятской области” с болгарской провинцией (Н.И.-Дрягин, 1914, с. 131), либо с “отголоском древнего названия земли удмуртов” (А.А.Столбов, 1941, с. 9–10). Еще в начале XIX в. г. Вятка назывался по-татарски и по-черемиски “Наурод” и “Наугро” (Фальк, 1824, с. 195–196). Таким образом, было ясно, что какие-то реалии лежат в основе данного названия. Подсказка пришла из грамоты 1540 г., направленной Иваном IV “на Вятку, в Слободской городок верхний”, где упомянута некая “Наугородская земля” (Документы..., 1958, с. 52).

Как известно, “Повесть о стране Вятской” называет самыми первыми русскими поселенцами на Средней Вятке новгородцев, прибывших сюда в 1181 (1182, 1187) гг. после 7-летнего пребывания в городке на Нижней Каме (1905, с. 28–29). В то же время есть сведения, что жители с. Челны считали себя потомками новгородцев, часть которых ушла на Вятку (А.А.Спицын, 1883, с. 148). Степень достоверности данных остается под вопросом, однако, приведенные выше археологические материалы свидетельствуют об этнокультурной специфике прикамской части Волжской Болгарии, что и отразилось в особом названии ее жителей. А оно является производным от гидронима “Нукрат” – искаженном от “Новгород” в болгаро-татарском прочтении, т. е. р. Вятка именовалась как “Новгородская река”. Данный первоначальный смысл забылся и стал объясняться болгарами из созвучного арабского слова “нукрат” – “серебро”. В этом понятии оно и попало в русские летописи, как “серебряные болгары”, хотя на самом деле оно означало “новгородские болгары”, что может быть объяснено одним – сосредоточением здесь весомого древнерусского компонента. Приведенные выше, во многом чисто логические, умозаключения неожиданно нашли подтверждение и в исследованиях филологов М.Ахметзянова (1991) и И.Г.Добродомова (1994). Отмечу, что именно в нижнекамском регионе наиболее активно шли процессы интеграции керамических традиций славян, пермских и верхневолжских финнов с тюрками (И.Н.Васильева, 1988, с. 106–107, 113–133). Не исключено, что именно после разгрома Волжской Болгарии Батыем часть носителей керамики группы XVI мигрировала в Марийско-Чувашское Поволжье и на Среднюю Вятку, а оставшееся в живых местное нетюркское население постепенно растворилось в преобладавшей тюркоязычной среде.